

Ирина Муратова

**Перевоспитание
Полины**

Ирина Муратова

Перевоспитание Полины

«Автор»

2025

Муратова И.

Перевоспитание Полины / И. Муратова — «Автор», 2025

Избалованная дочь богатого ювелира катится по наклонной плоскости, поэтому отец вынужден предпринять меры по "спасению" любимого ребёнка. Однако водоворот событий заставляет отца и дочь пересмотреть жизненные ценности. Что произошло с Полиной? Явь или сон?

Ирина Муратова

Перевоспитание Полины

Предел терпению

В клубе Полина нарезалась до чёртиков, до состояния, когда бывает, так сказать, «море по колено»! Срывая голос, она выкрикивала непристойности, иногда даже пошлости, как будто кому-то назло, и время от времени, не держась на ногах, падала в объятия крутящихся возле неё пьяных, разнузданных парней. Они, одуревшие от алкоголя и громоподобной музыки, разрывающей барабанные перепонки, перекидывали друг другу, как мячик, изрядно выпившую девушку. Казалось, что вся одурманенная компания потеряла человеческое лицо в клубящейся всеобщей вакханалии. В руке Полина сжимала стакан с какой-то коктейльной бурдой, плескавшей через край при очередном полёте «в бездну».

В клубе стоял дым коромыслом, непрерывно рвались в воздухе звуки оглушающей музыки, что и музыкой-то нельзя было назвать. По всему залу в такт безвкусным звуковым разрывам дёргалась вверх и вниз, словно в конвульсиях, толпа молодого народу. На подиуме возле шеста вертелась, извиваясь змеёй, полуголая танцовщица. Полина тоже дёргалась, как ей казалось, ровно в такт музыки, и со стороны выглядела умалишённой. К ней пристал баннным листом один изрядно подвыпивший мужичок, что-то кричал ей в ухо, пытаясь переорать гром технических усилителей, лез в лицо, цепляя её нос, щёки, плечи своими мерзкими губами. Его грубые руки непроизвольно двигались по её груди и бёдрам. Полина в порыве пьяного угара то тяжело отталкивала прилипшего мужичка, то вдруг притягивала его обратно, впиваясь, как пиявка, в щетинистый потный подбородок. Вообще-то, человека трезвого, адекватного, картина клубной оголтелости и разврата повергла бы в полное уныние: и это вот люди – цари природы?!

Внезапно трясущаяся толпа стала машинально расступаться по центру, освобождая коридорчик для двигающейся группы мужчин: представительный дядька в возрасте «50+», окружённый пустоглазыми амбалами в чёрных костюмах, крутившими чуть ли не на 360 градусов лысыми головами. Они взирали без каких-либо эмоций на уродство человеческого умопомешательства. Делегация продвигалась прямёхонько к местечку, где перед приставучим мужичонкой кривлялась Полина.

В определённый момент бьющая по голове музыка оборвалась, закончившись на последнем, слава богу, такте, и по танцполу зычно и требовательно пролетело глубоким баритоном:

– Полина!

Видный дядька в дорогом костюме тёмно-серого цвета и сине-серебряном галстуке размашисто прошёл вместе с телохранителями, таранящими толпу, к дочери.

– О, папулька! Откуда ты здесь нарисовался?! – намеренно-развязно крикнула Полина.

Она, невменяемая, шаталась, поддерживаемая такой же шатающейся пьяной особью с жирными мерзкими губами.

– Полина, если ты сейчас же не вытряхнешься из этого зловонного притона, я найду сюда мусоров!

Полина больно ударила «держателя» по рукам, освобождаясь от него, и плеснула ему в морду оставшийся в стакане коктейль.

– Пусти, дрянь! Ага, ваше величество, – кочевряжилась она перед отцом, заплетаясь в речи, – всё можете? Да? Слушай-ка, папа всемогущий, ты дашь мне жизни когда-нибудь или нет? А? Дашь свободы? Забодал уже! Видишь, я отдыхаю! Иди лесом! Гуляй по коридору! И своих крепостных холопов заведи отсюда!

Николай Афанасьевич Богатов еле сдерживался и не возражал дочке, молча сжимая кулаки до синюшного цвета кожи. Он лишь повёл бровью – нехороший знак.

– Ёжиков, – спокойно сказал Богатов, не сводя жёсткого взгляда с распутившейся Полины.

Сразу же, просто в секунду, самый крупный амбал из придворной свиты хозяина приступил к действию: он шагнул к Полине и одним махом, умеючи, скрутил ей руки. Бокал выпал и грохнулся об пол, разлетевшись на осколки.

– Ай-яй! – запищала девушка, – пусти, обезьяна лысая!

Но Ёжиков, подобно послушному роботу, без единого мимического движения на гладко выбритом лице, уже тащил сопротивляющуюся Полину в направлении выхода, по тому же коридорчику, что образовала расступившаяся толпа. Ёжиков впихнул девушку в авто. Машина стремительно сорвалась с места. Полина ругалась на чём свет стоит, но никто из папочкиной «делегации» её, естественно, не слушал и на бранные её слова не реагировал.

Автомобиль подъехал к двухэтажному добротному дому. Это был особняк, выполненный в минималистическом стиле, однако опытный глаз знатока архитектуры оценил бы высокое качество исполнения проекта. Вокруг дома раскинулся подходящий под манеру сад с беседками, фонарями, клумбами и прудом, над которым протянулся мост с прозрачными ограждениями из оргстекла.

Преданный слуга Ёжиков сопровождал отравленную алкоголем и уже ничего не соображающую Полину в её комнату, куда подросла горничная-нянька. Она раздела девушку, бормочущую всякую чушь, и уложила в постель. Но Полина тут же вскочила – ей было так плохо, что часа два она не вылезала из уборной, посылая проклятия отцу и небу в целом. Она провалилась в сон лишь под утро и спала без задних ног, полностью выпав из жизни.

Николай Афанасьевич распустил на выходной всю прислугу, оставив только ограниченный контингент охраны и повара с официантом, и занялся делами, устроившись в кабинете. Он провёл онлайн-совещание, принял несколько телефонных звонков, после чего наступил момент, когда, задумавшись, Богатов замер в любимом кресле.

Что происходит с дочерью? Конечно, он вовсе не хотел, чтобы Полина выросла такой, какой он наблюдал её в последнее время. Она охамела выше крыши, ни во что не ставила родного отца! Николай Афанасьевич делал всё, чтобы после смерти Светланы, его жены и матери Полины, дочь была обеспечена всем необходимым и даже сверх того, чтобы Поля не чувствовала себя обделённой сиротой. Он так сильно любил её, свою девочку, своё солнышко! Богатов никогда не жалел средств на её увлечения и капризы, на гувернанток и образование, на шикарные платья и престижное авто!

А получилось всё наоборот: Полина бросила сначала музыкальную, а потом и художественную школу, хотя отец давно заметил в ней творческие способности, особенно к искусству, пытался привлечь к делу отличных преподавателей, но напрасно. Она перестала посещать и секцию фигурного катания, затем ушла из драматической студии. В общем, бросала всевозможные начинания, требующие труда и терпения. В школе училась спустя рукава, несмотря на то, что учёба давалась ей несложно. В университет ездила через раз (семестры всё равно будут оплачены отцом). Зато с удовольствием увлекалась шмотками из бутиков да ночными клубами. И на уме – деньги! Деньги, деньги... Однажды Полину загребли в «обезьянник»: она вместе с приятелями участвовала в поджоге и разгроме магазинов матери одного «мажорика», не принятого всей гоп-компанией. Много нервов, и не только нервов, потратил тогда Николай Афанасьевич, чтобы её не тронула полиция. Отец был не на шутку зол и напуган: а что, если дочь пристрастится к наркотикам? Так, с него хватит! Наступил, пожалуй, предел – пора кончать с её выкрутасами, пока расхлябанная жизнь девушки реально не дошла до точки невозврата.

Николай Афанасьевич видел, что дочь, взрослея, всё больше и больше отдаляется от него и ведёт себя нарочито нагло, словно мстит ему за обиду, однако, какую именно, он не понимал.

Ведь он не виноват в том, что девочка осталась без матери, ведь он старался, как только мог, – ни в чём Полина не нуждалась! Отец не понимал, что, будучи в делах, в работе, в бизнесе, он любит дочь, будто на расстоянии, бросая её на растерзание каким-то пришлым, нанятым нянькам и учителькам. А Полине был нужен обыкновенный папа, было нужно его родительское тепло, его душа, его искренний, настоящий интерес к её жизни, к её проблемам – его истинная дружба.

Он также проразявил и первую, довольно серьёзную влюблённость девочки. Вот где образовалась трагедия! Отец категорически не принял того мальчишку – парень, видите ли, не «их круга», из нищобродов, никак не годится даже в друзья его дочери, не то чтобы в женихи! А не надо ли было её саму спросить? Обиженные дети в отместку устроили побег: Полинка и Юрка убежали из дома на юг, на море. Их, разумеется, нашли, но мальчишке с тех пор все ходы к дочке были заказаны, а его родителям пригрозили расправой. Девочка трудно пережила сильную боль, причинённую отцом, однако не поняту им до конца, что ещё дальше отодвинуло отца и дочь друг от друга.

Когда же настал день и отец обнаружил свою родительскую несостоятельность, оказалось, что дочка-то уже выросла. Время было упущено – пропасть между ними увеличилась до невероятных размеров. Дочь не шла на контакт, она постоянно шла на конфликт, продолжая по инерции злостно протестовать и выводя отца из равновесия какими-то дурацкими способами протеста, вероятно, не домысливая, что ими вредит в первую очередь лишь самой себе.

Нет, надо было что-то предпринимать, иначе Николай Афанасьевич встанет перед угрозой полной потери родного человека – единственной дочери.

Он набрал номер своего партнёра, товарища и верного «пса», которого Николай Афанасьевич «купил» когда-то, поймав на мошенничестве, и наделил полномочиями, за что тот, безусловно, боготворил Богатова. Помощником по делам и советником по трудным вопросам был Долгорукий Пётр Фёдорович – делопроизводитель, юрист, психолог, политолог, врачеватель, собеседник, устроитель и прочая! Какие только функции ни приходилось ему выполнять! Короче, талантливый всезнайка в одном лице. Если Долгорукий сам не мог в чём-то разобраться, то каким-то невероятно умелым образом находил нужного человека и с его помощью разрушал возникшие препятствия и разрешал неудобную ситуацию.

– Петя, срочно приезжай, ты нужен мне позарез! – тревожным голосом не потребовал, а позвал Николай Афанасьевич.

– Слушаюсь! – с тихой подобострастностью ответил Долгорукий, предвкушая интригу.

Через час оба сидели в кабинете английского фасона, перед горящим камином, с фужерами коньяка, словно Шерлок Холмс и доктор Ватсон. Николай Афанасьевич излагал свои горести Долгорукому, а тот уже, по мере порционного поступления информации, крутил деловыми мозгами авантюриста, как же помочь своему вечному «спасителю», которому он был обязан по гроб жизни. И ведь придумал же! Вспомнил одну замечательную сказку братьев Якоба и Вильгельма Гримм, откуда и позаимствовал средство для приведения сознания дочери Богатова в нужное состояние.

Авантюрный план Долгорукого

Фамилия Богатов являлась поистине говорящей. Николай Афанасьевич был богатым человеком в самом прямом, материальном, смысле слова. Однако в этом он не виноват: Богатовы – потомственные ювелиры, и семейное состояние, как и семейное дело, передавалось мужчинам по наследству. Заслуга Николая Афанасьевича состояла в том, что он не только сохранил унаследованное, но и преумножил его, до сих пор продолжая увеличивать его количество.

После революции 1917 года некоторые из предков Богатова эмигрировали из России. Кто-то из них прижился за границей, осел в Англии, Франции, Германии, переехал на Австра-

лийский континент. Кто-то сгинул в вихре перемен и социальных пертурбаций. Николай Афанасьевич знал, что его прадед, полный его тёзка, которому на тот момент было лет девятнадцать-двадцать, остался на родине. В кругу большой семьи он выглядел неким изгоем, так как был подхвачен и увлечён политическими событиями времени (он единственный из родни, кто принял революцию, поверив в неё). Он вступил в комсомол, а затем и в партию большевиков, воевал в Гражданскую, имел награды. Он считал, что не предал Родину: Родина одна, её не выбирают, а разделяют её судьбу.

Но, видимо, тяга к ювелирному ремеслу мощной генетической занозой засела в роду Богатовых, периодами выделяя из членов разлетевшегося по миру семейства наиболее талантливых в данной области представителей. Таким оставался прадед. Когда буря устаканилась и в СССР началось масштабное строительство нового общества, Богатов-прадед нашёл себя именно в ювелирном деле. Как-то надо было переправить энное количество национализированных драгоценностей в Москву, и чекисты поручили ему поработать с ювелирными изделиями на предмет установления их подлинности, оценки и всяческих подсчётов. Богатов-прадед отлично справился с поручением. В Ленинграде он окончил дополнительно экономический факультет. В итоге Богатов-прадед стал одним из представителей руководящего состава Государственного треста «Русские самоцветы».

Он женился, у него появилось трое детей – две девочки и мальчик. Мальчик, родившийся в 1923 году, стал дедом сегодняшнего Богатова. Дед погиб в 1944-ом в Крыму, под Балаклавой. А его сын, отец Николая Афанасьевича, практически-то и возродил семейный бизнес. Правда, в советской стране дело так не называлось. Но суть особо не изменилась – он стал директором реставрационной мастерской в Ленинграде, имел возможность работать с драгоценными камнями и металлами, многому научил своего сына. Сказать, чтобы он занимался тёмными делишками, – нет, такого за ним не водилось, честность, как ни показалось бы это странным, была у Богатовых не на последнем месте. Он был высококвалифицированным, признанным мастером, художником и неплохо зарабатывал.

Сын, Николай Афанасьевич, пошёл по стопам отца. Он с увлечением, а позже с полным сознанием выгоды перенял от родителя мастерство, семейные ювелирные секреты. Николай Афанасьевич, с цепкостью, практичностью, деловой хваткой, заложенными в его родовой крови, активно и результативно раскрутился в период новой России. От отца ему перепали накопления, которых вполне хватило, чтобы выжить семье в девяностые годы, выстроив верную экономическую политику, и продолжить процветание. Теперь же он владел реальным богатством, бизнесом, ювелирными мастерскими, магазинами и целым штатом официально устроенных на работу (а по смыслу – безоговорочно подчинённых ему людей, своеобразных «рабов нового времени»), кто по рангу за достойную зарплату, а кто и за не очень достойную.

– Долгорукий, что ты придумал? Я по глазам твоим вижу, что в авантюрном роге изобилия ты держишь какой-то подходящий план! Надеюсь, рецепт безболезнен?

Богатов отхлебнул из фужера стойкого армянского коньяку и засунул в рот дольку лимона. Он глубоко верил, что Пётр обязательно поможет советом, и его ожидание оправдалось.

– Ну, по поводу болезненности... Как ты себе мыслишь получить нужный результат? Без боли и мучений, господин Богатов, ничего не рождается, и ты знаешь это гораздо лучше меня.

На последних словах помощника Николай Афанасьевич свёл брови к переносице и тревожно-вопросительно уставился на Долгорукого, мол, какие такие «пытки» для Полины породило непредсказуемое воображение этого известного фантаста-интригана?

– Коля, ты ведь помнишь сказку «Король-дроздобород»?

Богатов усмехнулся: конечно, помнит, с детства. Но у него нет цели выдать замуж свою капризную «царевешну» за первого нищего, который переступит порог его королевства.

– Я не о таком замужестве, – с хитрецей прищурился Долгорукий.

– О каком же?

– Надо найти бедняка, в которого твоя дочка до смерти влюбится. Нанять его за деньги! Он сыграет роль, как в кино. Влюблённые захотят пожениться, а ты откажешь им в благословении. Тогда назло тебе Полина всё же выйдет за него замуж и в итоге познает фунт лиха – мало того, что останется без твоих денег, потому что ты «в ярости» лишишь её наследства, пусть ещё любимый муж окажется домашним тираном-террористом. До определённого предела, разумеется. До того предела, какой ты ему положишь. Вот дочка и прибежит обратно, как миленькая, защиты просить станет, отрезвится, изменится. Надо дать ей настрадаться. Ты же разбаловал девчонку до невозможности, распустил её, превратил в эту..., как её..., в царевну Будур! У меня и подходящий сценарист есть, он распишет всю роль по нотам. И бедняк заработает, и ты своё возьмёшь. Подготовим всё чин-чинарём. Каждый его шаг – под контролем.

Николай Афанасьевич расширил глаза от удивления и временно замер на месте, словно окаменел. Он, конечно, знал, что Долгорукий на всё способен и допускал, что тот способен быть даже садистом высокого полёта, но не до такой же степени! Пётр, в свою очередь, разочарованно склонил голову набок: да, Богатов не согласится на подобное предложение. Николай Афанасьевич крутой бизнесмен, расчётливый делец, но стать лжецом, предателем для дочери, играть на человеческих чувствах, хоть даже и во благо – не его путь. А жаль, отличная бы игрушка получилась.

– Хорошо, – снисходительно отреагировал Долгорукий, – могу подключить психолога, который точно поможет тебе, классный специалист. Он точно что-нибудь придумает, найдёт способ полечить твою Полину. Но, зараза, берёт дорого.

Богатов вновь остановил на Долгоруком вопросительный взгляд, который постепенно подёрнулся оттенком презрения.

– Знаешь, Петя, иди-ка ты..., – безнадежно махнул он рукой, – а я уши развесил, дурень старый! Думал, что ты действительно поможешь советом. Может, ещё конька-горбунка найдёшь, предложишь дочку через три котла пропустить? Смешно, ей-богу!

Тогда Долгорукий допил свой коньяк, затушил сигару и решительно встал, разведя руками.

– Я тебе дело говорю. У меня все работники имеются: и сценарист, и режиссёр, и преподаватель актёрского мастерства, и психолог, и костюмер с гримёром, и... А ты как думал?! Подходящий перечень! Нужно найти гастролёра, обучить его хоть мало-мальски, порепетировать, и тэ дэ. Для этого необходимы специалисты. Главное и самое трудное – найти подходящего мужичка: молодого, симпатичного, не обделённого интеллектом, этакое нищего художника-неудачника, чтобы жалость вызывал, нуждающегося в бабках. Не бойсь, беднячка этого тебе подыщет наёмный режиссёр, не лысоголовым же твоим по городу рыскать.

– У тебя что ж, театр собственный есть, что ли? Авантюрист!

– Неплохая идея, знаешь ли. Театр – это прекрасно! Подумаю на досуге, – улыбаясь, Пётр Долгорукий позёрски покрутил рукой в воздухе.

Богатов почесал затылок и вдумчиво вздохнул.

– Сколько уйдёт времени на всё это? Месяц, два? – нехотя, словно на всякий случай, спросил он.

– Сейчас не скажу. Проконсультируюсь.

Долгорукий готовился было уходить, но усёк-таки замаячившую вдаль, пока ещё бесформенную, заинтересованность Николая Афанасьевича, типа «была не была», поэтому притормозил, надеясь окончательно добить хозяина, склонив его к принятию «правильного» решения.

Долгорукий был прирождённым интриганом, и любая партия в рамках этого поля хватала его за живое, он заражался идеей интриги, как идеей в области рукодельного творчества. Интересно же! Однако, помимо интереса, его нынче просто захватила в плен дьявольская мысль

устроить Полине, этой малолетней хамке, невероятную воспитательную экзекуцию, чтобы девчонка понюхала пороху! Долгорукий ведь и сам от неё, нет-нет, да получал на орехи. Однажды его сын Витька, дурак недалёкий, отправился к Богатову просить руки его дочери. Но великая принцесса Полина Николаевна издевательски отвадила сыночка, дала ещё тот от ворот поворот – провела сына самого Долгорукого мордой по батарее, как капризная принцесса в сказке, с издёвками насмехаясь над всеми Витькиными минусами. В общем, Долгорукий вцепился в ситуацию Богатовского бессилия, впервые обрадовавшись тому, что в жизни всё же существует закон бумеранга – ах, как же сильно хотелось ему заняться «отмщением», как же сильно хотелось наказать эту злую, противную, мелкую принцесску!

Богатов снова глотнул коньяку, взял кочергу, помешал что-то в камине и судейским голосом, выносящим вердикт, произнёс:

– Ладно, Долгорукий, давай твоё представление! Бес его знает, может, ты и прав. Может, теперь с ней только и надо поступить подобным образом. Но, Петя, учти: если номер не пройдёт, если промажешь, то казнь твоя будет ужасна! Хуже четвертования!

Надлом

Сегодня Полина Богатова, как примерная студентка, отсидела все лекции в университете. На переменах между парами она в уединении задерживалась то у одного, то у другого окна, глядя через стёкла на осенний городской пейзаж. Стояло бабье лето, её любимое время года. День выдался спокойный, тихий. Временами на небе появлялись припудренные сероватым пеплом облака, которые закрывали неяркое солнце, но незаметно их уносило куда-то воздушным потоком, будто они незаметно растворялись, и снова лился солнечный свет, свободно играя желтизной листьев.

После той ночи, когда отцовские холопы с позором уволокли её из клуба и она, измученная отравлением, просидела ночь перед грязным горшком, Полину не оставляла грусть. Она не могла определённо сформулировать, что с ней происходит, она чувствовала лишь полное одиночество и собственную ненужность. Оказывается, у неё нет настоящих друзей, нет родительского понимания и участия, нет, чёрт побери, пресловутой любви.

Да-да! Полина, как всякая девушка на Земле, желала, чтобы её любили. Любили её саму, а не деньги её папочки! Собственно, здесь нарисовалась картина, весьма знакомая в алчном мире людей. Но почему в эту картину вписалась именно она, Полина Николаевна Богатова?! Почему именно ей выпала эта доля? Какая разница, есть ли у неё залежи в закромах, нет ли, – она ведь живой человек, стало быть, ей необходимо всё то, что по природе причитается каждому из нас: родственная душа и любовь!

Вон сколько девчонок – взять хотя бы их курс – неимущие голодранки, зато имеют любимых парней, дружат, ходят на какие-то мероприятия, ездят на каникулах дружной толпой в походы и путешествия, общаются совсем не так, как принято в её окружении. А сколько из них вообще не зависят от родителей – самостоятельные люди, работают, зарабатывают, распоряжаются собственными средствами, вообще всей своей жизнью. Не крутятся в престижных клубах, не носят эксклюзивных шмоток, не пьют экзотических вин, не ездят на дорогущих тачках! И ничего, выживают! А она? Вечно думать о том, что тебя лишат сладкого куска, – какая дрянная зависимость! Господи, да пропади он, этот кусок!

Полина вдруг достала из сумки паспорт и вытащила из-под обложки фотографию мамы. Мать (та женщина, что, пожертвовав собой, подарила ей жизнь) была Полине, в общем-то, неизвестна. С тех пор, как Полина себя помнила, она видела маму лишь на фото. Отец говорил, что расположенность Полины к живописи – от мамы, ведь она была художником-дизайнером.

С фотографии на Полину смотрела не то чтобы красавица, но очень привлекательная молодая женщина в однотонном, тёмно-синем шёлковом платье, в светлом песцовом боа, наброшенном на плечи. Видно было, что к фотографированию дама готовилась специально:

продуманный наряд, аккуратный макияж, скорее всего, выполненный визажистом-профессионалом, неброский розовый маникюр, высокая причёска шатенки, подходящая к её неширокому, слегка вытянутому лицу, на шее – золотая цепочка с жемчужинкой, а на четвёртом пальчике – обручальное колечко с вкрапленным посередине маленьким бриллиантом. У мамы были зеленоватые глаза, с каким-то еле уловимым карим прицветьем, – редкие глаза, придававшие её внешности необычный оттенок. «Наверное, отец её сильно любил. Такой женщине нельзя изменять!», – думала про себя Полина. Она пыталась вспомнить её – говорят, что иногда в человеке остаётся младенческая память, – но вспомнить не получалось. Полина лишь искусственно, словно нейросеть, «оживляла» фотографическую маму в своем воображении, представляя такой, какой видела на сохранившихся фото.

Почему папа никогда не рассказывал о ней дочери? О её характере, внутренних качествах, увлечениях – какой он её знал? Почему Полине толком ничего не ведомо о родной матери? Всё ему некогда! «А может, я сама виновата? Что такого, если я спрошу отца о том, что меня интересует? Сама. Почему мы с ним не ладим?» – продолжала думать Полина, пока не раздавался звонок на следующую пару.

Полина училась на журфаке. Вернее, числилась, потому что занятий почти не посещала. Летнюю сессию одолела кое-как, да и то папенька снова помог – оплатил дочкину вседозволенность. В принципе, факультет журналистики – это круто. Однако Полина ясно сознавала, что данная дорога не её. Не увлекает и не привлекает. Девушка как-то раз попыталась серьёзно объяснить своё воззрение отцу, но он её не понял, даже слушать не стал, пригрозив карой, если она бросит факультет. Естественно, она «отомстила» – устроила голодовку, запершись у себя в комнате, не отвечала на его телефонные звонки и на крики из-за двери. Отцу пришлось взломать несчастную дверь, а потом он клял дочку на чём свет стоит.

Ей тяжело давались иностранные языки, её сносило на более художественный, нежели чисто публицистический, стиль письма, она не любила репортёрскую работу и так далее. Но её никто не понимал, ни одна душа, как она считала. Например, немногочисленные приближённые однокурсники в ответ на её пару промелькнувших в разговоре «жалоб» отвечали легко, задорно, без труда: «Не нравится, брось, займись тем, чем нравится». Им всё так просто! Захотели – бросили. А ей-то не просто! Ей нельзя.

Учебный день закончился. Полина спустилась по ступенькам парадного крыльца университета. Вдруг она остановилась, подняла голову и вновь посмотрела в небо. Как же редко она глядит на небо! Сегодня оно такое притягательное, бездонное, зовущее, манящее, так и хочется взлететь. Невольно ей пришли в голову слова Катерины из «Грозы» Островского: «Отчего люди не летают так, как птицы?»

Полина опомнилась: что это с ней? Не хочется обедать в ресторане, хочется простого домашнего борща со сметаной и чесночными пампушками! Не хочется садиться в свой «мерс» – а если полностью, то «Mercedes-Benz S-Class Maybach» – кофейного цвета, подаренный ей отцом на совершеннолетие. Не хочется никаких высоких тусовок. Хочется напялить дешёвую футболку, рваные джинсы и гулять по тропинке где-нибудь в заброшенном парке, шурша опавшей листвой. Хочется расположиться с мольбертом на берегу живописного пруда и творить, творить, творить! Хочется написать материнский портрет! Написать лицо матери именно таким, каким его представляет только Полина. Хочется поболтать с интеллигентным человеком о чём-то вечном. Хочется любви! Свободной, чистой любви, без папиного вмешательства: тот нам не подходит, этот не годится, тебе надобен вот такой-то жених, и точка! Бред собачий! «Боже, пошли не принца – наследника миллионов, а обычного парня, который бы то и делал, что души во мне не чаял!» – взмолилась про себя Полина.

При романтическом настроении глаза девушки увлажнились. Она, подставляя лицо осеннему солнцу, медленно подошла к площадке, где утром припарковала «Мерседес». Пискнули ключи, но Полина, подождав несколько секунд, закрыла дверцу и двинулась в направлении бульвара,

отведя руку назад и пискнув ключами повторно. Неподалёку от машины курили и болтали её одноклассники по курсу, Вовка Зарыгин и Лёшка Петухов.

– Эй, Богатова! Поля! – крикнул смелый Лёшка, поманив рукой.

– Чего тебе, Петушок?! – наигранно-ласково кривя губами, отозвалась Полина.

– Слушай, Полинка, я, конечно, имею принципы, но позарез нужно двадцать тыщ. А для тебя это копейки. Одолжи до полочки, а?

Полина недовольно глянула на него. Да, у неё есть двадцать тысяч, есть и в десять раз больше. Но с чего это Петухов цинично заявляет, что такая сумма для неё – копейки. Их зарабатывает отец потом и кровью. Не знаете вы, мальчики, что приходилось и приходится преодолевать, чтобы на её карточке появлялись расходные!

– До полочки? – недоверчиво спросила она, вытягивая из сумочки «Айфон». – Ты что, работаешь? Неужели? Где ж это?

– Какая тебе разница? Или давай, или нет. Вопросы, блин, задаёт. Работаю! Не то, что некоторые.

– Ну уж? Тебе положено, ты мужик! Когда зарплата? Когда отдашь? Если не отдашь вовремя, больше не получишь.

– Не переживай, пятнадцатого отдам.

Полина посмотрела на него пристально, мол, ловлю на слове.

– Сейчас переведу. Диктуй номер телефона.

Она перевела онлайн двадцать тысяч, после чего Петухов бессовестно кинулся к ней с объятиями.

– Сеньорита, благодарствую! – и давай чмокать её щёки.

– Да отвяжись ты, придурок! Вов, оттащи его! Фу-у!

Зарыгин, наблюдая за ними, по-доброму улыбался.

– Лёха, тормози, а то охрана набегит! – Владимир с силой оттащил Петухова от девушки.

– Ох, чёрт, Полька, и сладкая же ты! – признался Лёшка, в его голосе прозвучала действительно искренняя нотка, которая, конечно же, понравилась Полине.

Лицо девушки, однако, приняло печальное выражение, она без восторга ухмыльнулась комплименту, и Владимир Зарыгин увидел в её глазах одинокую тоску. Полина сейчас была сама на себя не похожа. Обычно разбитная, грубоватая, и послать сможет подальше, если что не по ней, она стояла перед одноклассниками какая-то сникшая и, кажется, беспомощная. Уж ей-то печалиться?! Было бы с чего!

Владимиру нравилась Полина, но он тщательно старался скрыть свою симпатию, боялся чем-то себя выдать, чтобы, не дай бог, не вызвать её ярость, не видя того, что она обо всём догадывается. Заполучить неординарную богачку – недостижимая цель. Но дело тут не в богатстве, эта девушка производила на молодого человека умопомрачительное впечатление: смелая, свободная, остроумная, сексуальная! Пусть сложная, но тем и притягательная, она отличалась от других девчонок. Ох, мечта! А Полина, наоборот, таких вот, как все эти Вовы и Лёши, считала вольными по-настоящему и завидовала их реальной, чистоганной, по её мнению, свободе.

Полина задумчиво посмотрела на Вовчика и неожиданно протянула ему электронные ключи от своей машины.

– Вова, на, возьми «Мерс», можешь кататься! А хочешь, вообще подарю?!

Владимир попятился.

– Полин, ты чего? На кой мне твой «Мерс»? Он, небось, миллионов тридцать стоит?!

– Ага, вроде того. Бери же, говорю, катайся! – и запихнула ключ в карман его ветровки, а затем, не давая Вовке опомниться, быстро зашагала прочь.

– Поли-и-на-а! – закричал ей вслед Владимир, тогда как Лёшка застрял на месте, ошарашенный: вот бы Богатова не Вовану, а ему, Петухову, засунула в карман ключи от такой машинки!

Владимир в три шага догнал девушку и повернул её к себе лицом.

– Зачем ты так? Смеёшься надо мной?! Что я тебе плохого сделал, Богатова?

– Ничего ты мне не сделал. Возьми машину. Это моя вещь, как хочу, так и распоряжаюсь ею, – отрезала она. – Зарыгин, я давно хотела вот что сказать тебе... Я вижу, ты по мне сохнешь? Это зря, Вова. Ты классный парнишка, умный, то, сё. Но, Володя, я тебя не люблю. Понял, братец?

Владимир ещё раз опешил: ага, теперь Богатова точно пришла в себя – грубит, бестия.

– Ну, да, куда мне до твоих женишков! – с некоторой прямо злостью процедил он сквозь зубы.

Полина вдруг положила свою руку ему на плечо и бескорыстно улыбнулась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.